

УДК: 81'23

Пучков С.И.

Вербальный образ политика

(На материале английского, испанского и французского языков)²⁶

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
Россия, Москва, sergei-taekvondo@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи исследует динамику и качество изменения вербального образа Муаммара Каддафи, а также национальную специфику его вербальной репрезентации в СМИ в контексте лингвокультур Испании, Франции и США. В основе исследования – семантический анализ лексических единиц и сравнительный анализ представления вербального образа М. Каддафи на материале известных периодических изданий указанных лингвокультур. В основе компаративного анализа – теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла.

Ключевые слова: речевое событие; речевая ситуация; вербальный образ; структура; коннотация; понятийно-коннотативное поле; национальная специфика; испанский язык; французский язык; английский язык.

Puchkov S.I.

Politicians' verbal image

(Based on the materials of English, Spanish and French languages)

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Russia, Moscow, sergei-taekvondo@mail.ru*

Abstract. The author explores the dynamics and quality of Muammar Gaddafi's verbal image modifications and the national specificity of his representation in the Spanish, French and North American linguacultures. The study is based on the semantic research of lexical units and on the comparative analysis of M. Gaddafi's verbal image's representation on the material of the famous periodicals of the mentioned linguacultures. The comparative analysis is based on the E. Hall's theory of high- and low-contextual cultures.

Keywords: speech event; speech situation; verbal image; structure; connotation; conceptual-connotational field; national specificity; Spanish language; French language; English language.

1. Введение

СМИ как феномен культуры нельзя рассматривать в отрыве от исторической реальности, определяющей их развитие [Вайнрайх, 1979, с. 16]. В различные исторические эпохи СМИ были подчинены не только целям, которые непосредственно ставились пред ними мировым

²⁶ © С.И. Пучков, 2018

сообществом, в частности, беспристрастное освещение различных событий, – СМИ во все времена так или иначе были подчинены целям и задачам политических элит, находящихся у власти, и в наше время такая ситуация стала более очевидной. СМИ чаще всего политически ангажированы, поскольку их существование зависит от финансов, вкладываемых в деятельность СМИ различными властными и коммерческими структурами. Так, современные журналисты существенно зависимы от владельцев медиа-холдингов, будь то государственные структуры или частные владельцы. Именно поэтому журналист фактически высказывает не свое мнение, а мнение тех, кто оплачивает его работу и работу редакции в целом. Наблюдается сращивание отдельных местных и общинных СМИ с более крупными и влиятельными, что позволяет говорить о централизации информации в руках определенных медиа-холдингов и, соответственно, лиц, владеющих этими холдингами.

Одним из пагубных последствий зависимости СМИ от финансирующих их структур является предвзятость даже фактической информации, которая проявляется посредством «подтасовки» фактов, лжеинтерпретации (интерпретации в угоду заинтересованному лицу или группе лиц), сокрытии определенных фактов, которые могли бы сыграть значимую роль при восприятии информации.

По сути это приводит к тому, что СМИ оказываются под полным контролем группы лиц, заинтересованных в принятии обществом определенных, нужных им решений, в формировании определенных ценностей, ментальных и поведенческих стереотипов. Эта группа лиц посредством СМИ формирует мнение об областях жизни, лицах и событиях, которые происходят в окружающем мире, и манипулирует общественным сознанием посредством различных механизмов воздействия. Так, широко используются вербальные и невербальные средства: фотографии, карикатуры, рисунки и др. В последние годы

сформировалось особое лингвистическое направление, исследующее так называемые поликодовые или креолизированные тексты, эффективно воздействующие на потребителя СМИ ([Анисимова, 2003; Мичурин, 2013; Сонин, 2005] и др.).

В связи с вышесказанным информация становится более значимым продуктом, чем материальные блага: она формирует общественное сознание, и СМИ играют одну из ведущих манипулятивных ролей в распространении информации, в которой заинтересованы ангажировавшие их структуры. Поэтому современные исследователи ([Мичурин, 2013, Анисимова, 2003] и др.) в области массовых коммуникаций, говоря о функционировании СМИ, сходятся во мнении, что СМИ перестали справляться с их непосредственными изначальными социальными функциями, а именно: предоставление читателю или слушателю объективной и всеобъемлющей информации по определенным вопросам, помощь своей аудитории в выработке адекватной позиции по отношению к происходящим событиям, важным для социума, и др.

Это в полной мере приложимо к созданию медийного вербального образа (образа, задающего определенное восприятие индивида, а не отражающего реальные его характеристики) той или иной политически значимой личности, выгодного для участников геополитических столкновений. Поэтому заявленная в работе тема представляется актуальной: с одной стороны, ее решение обнаруживает ряд негативных тенденций в развитии мировых СМИ, с другой – позволяет выявить доминирующие средства создания вербального образа личности и причины, обуславливающие изменения характера ее медийного представления.

Так, в феврале 2011 г. мир стал свидетелем кровавого переворота в Ливии, которой 42 года руководил один из самых значимых, но при этом своеобразных политических лидеров XX в. – Муаммар Мохаммед Абдель

аль-Каддафи. В информационном пространстве России доминирующей характеристикой М. Каддафи стали справедливость и патриотичность, хотя и осложненные жесткостью. В западных СМИ эпоха правления ливийского лидера освещалась по-разному. В зависимости от текущей политической ситуации и геополитических приоритетов, в зависимости от хода вооруженного конфликта в Ливии медийный образ Муаммара Каддафи значительно изменялся.

Объектом настоящего исследования является структура создаваемого в СМИ вербального образа М. Каддафи. Предметом – языковые средства ее реализации. Материалом исследования послужили статьи, так или иначе связанные с Муаммаром Каддафи до и после военного конфликта в Ливии, опубликованные в наиболее влиятельных периодических изданиях лингвокультур Испании, Франции и США: «El País», «Le Figaro», «Le Monde», «The Washington Post» и «USA Today» (2008-2016). Основными критериями отбора материала явились следующие количественные данные проанализированного корпуса текстов:

- регулярность представления темы в СМИ;
- отражение интересов конфликтующих сторон в представлении конкретной исторической личности в рамках дискурса СМИ;
- наличие позитивной и негативной информации об одном и том же объекте описания.

Анализ материалов показал, что в зависимости от цели речевого произведения (текста), автором **целенаправленно отбирается совокупность лексем с положительной или отрицательной коннотацией.**

2. Специфика репрезентации динамического аспекта образа политика

Динамика изменения вербального образа М. Каддафи в СМИ испанской лингвокультуры

Изменения вербального образа М. Каддафи в испаноязычных СМИ условно можно разделить на 5 фаз, которые были выделены на основе проведенного анализа текстового корпуса. Рассмотрим их содержательно (приводится по [Пучков, 2017, с. 125-137] с дополнениями).

Фаза 1: Вербальный образ М. Каддафи до военного конфликта в Ливии

До начала военного конфликта в Ливии (2008-2011) подавляющее количество лексем, независимо от их принадлежности к той или иной части речи, имеют экспрессивный негативный оценочный компонент: *excéntrico* / эксцентричный²⁷, *tirano* / тиран, *dictador* / диктатор; (*dirigente*) *astuto y progmatíco* / (руководитель) хитрый и прагматичный; (*al líder livio ha unido*) *excentricidad y progmatismo* / (характер ливийского лидера отличается) эксцентричностью и прагматизмом; *cínico* / циничный; *sedujo a Occidente* / соблазнил Запад. Вместе с тем представлены и такие характеристики, которые выявляют авторитет личности М. Каддафи: *elogiado en Washington y las capitales europeas* / удостоившийся похвалы со стороны президента США и лидеров европейских государств; *jamás pierde el control* / никогда не теряет контроль; *tipo carismático* / харизматичный человек.

Большинство подобных характеристик поддерживает идеальный образ лидера арабского мира: *харизматичный, хитрый, прагматичный, умеющий держать под контролем ситуацию*. Совокупность лексем, репрезентирующих образ Каддафи в 2008-2011г., интегрируется единой доминирующей положительной коннотацией, несмотря на то, что некоторые лексемы связаны с отрицательными эмоциями.

²⁷ Здесь и далее перевод с испанского языка на русский наш.

Фаза 2: Убийство М. Каддафи

Вторая фаза (конец 2011 – начало 2012) свидетельствует об изменении в целом положительной оценки вербального образа ливийского лидера. Это проявляется в резком *повышении* частотности лексем, отрицательные коннотативные компоненты которых ранее были контекстуально нейтрализованы использованием слов, представляющих положительные или нейтральные характеристики М. Каддафи: *tirano* / *тиран*; *dictador livio* / *ливийский диктатор*. Вместе с тем в СМИ наблюдается использование ряда синтаксических конструкций, представляющих резко актуализированное негативное отношение к ливийскому лидеру. Например, в предложении «*El fin de Gadafi es una oportunidad para la democracia en Livia*» (Смерть Каддафи – шанс построить демократию в Ливии) делается акцент на несовместимость правления М. Каддафи с демократией. Субъектно-предикатные отношения, представленные здесь, задают доминантное противопоставление «*смерть Каддафи – шанс демократии*», которое потом неоднократно в разном виде акцентируется в СМИ. Например, в предложении «*El fin de un largo y penoso capítulo para el pueblo de Libia*» (Конец главы в истории Ливии, долгой и болезненной для ее народа) смерть Каддафи рассматривается как начало нового, демократического этапа в жизни страны, а предыдущий этап оценивается как болезненный, что поддерживает заданную доминантным противопоставлением негативную оценку в вербальном образе М. Каддафи.

Фаза 3: «Истерика № 1»

В первой половине 2012 года наступает фаза, которую условно можно назвать «Истерика № 1», когда подавляющее количество лексем, представляющих вербальный образ М. Каддафи, имеют ярко выраженный негативно окрашенный оценочный компонент. Так, если в предыдущей фазе время правления М. Каддафи определялось как *долгое* и *болезненное*,

то теперь – как *нескончаемый* деспотизм и репрессии: *una larguísima era de despotismo y represión* (нескончаемая эра *деспотизма и репрессий*). Время правления ранее *сильного и харизматичного* лидера определяется как *систематическое* нарушение демократии и свободы: *recurrió sistemáticamente a la cárcel* (*систематически* отправлял в заключение) – именно в силу внутренних крайне негативных качеств личности М. Каддафи: *recurrió al asesinato y la tortura* (*обрекал на пытки и убийство*), *manipulador nato* (*прирожденный кукловод*). Акцентируется, что он *extirpó cualquier libertad* (*искоренил свободу* и создал культ своей личности), *desarrolló un enfermizo culto a la personalidad* (*культ личности, созданный и взращенный Каддафи, оказался болезнью* ливийского общества). Вместе с тем ядерные компоненты характеристики вербального образа М. Каддафи остаются неизменными и подчеркиваются частотным использованием лексем *dictador* (*диктатор*), *tirano* (*тиран*).

Таким образом, изменение вербального образа М. Каддафи целенаправленно осуществляется посредством использования большого количества лексем с явно выраженной негативной экспрессивностью, объединенных интегративным компонентом *диктатор / тиран*. В СМИ намеренно создается контекст, который можно назвать понятийно-коннотативным полем, реализующим негативный вербальный образ М. Каддафи, и это поле уже *задает* смысловой формат его представления.

Фаза 4: «Истерика № 2»

Вторая половина 2012 – начало 2013г. являются кульминационными в процессе «демонизации» ливийского лидера. Во-первых, в заданном понятийно-коннотативном поле продолжают акцентироваться негативные характеристики, описывающие стиль правления М. Каддафи: *dictador* (*диктатор*), *tirano* (*тиран*), *cínico* (*циничный*). Во-вторых, вводятся лексемы, которые не просто репрезентируют те или иные негативные свойства личности, но связывают их с глубокими психофизиологическими

расстройствами личности, подчеркивающими их стабильность: *las orgías y depravaciones sexuales del dictador libio* (оргии и сексуальные извращения ливийского диктатора); *era un depredador con las mujeres* (с жестокостью, походившей на жестокость маньяков, он обращался с женщинами); *los crímenes sexuales del «Papá Muamar»* (сексуальные преступления «Папы Муаммара»); *no podíamos intuir su nivel de barbarie, de sadismo y de violencia* (мы не могли себе даже представить уровень его варварства, садизма и агрессии); *cárcel de esclavos sexuales* (тюрьма для сексуальных рабов); *la obsesión sexual de Gaddafi no se limitaba en cualquier caso a una dependencia física, un apetito demencial, sino que se había convertido en su principal arma de poder* (сексуальная одержимость Каддафи – это не только его физические потребности; безумная по своей сути – она стала основным оружием его власти). Наряду с этим варварское убийство М. Каддафи всячески замалчивается, практически всегда *убийство* заменяется словосочетанием *почивший лидер* (*lider fallecido*).

Фаза 5. Возвращение здравого смысла

В текстах анализируемых испаноязычных СМИ 2013-2016г. медийный образ М. Каддафи снова изменяется: его называют *dictador* (диктатор), *líder libio* (ливийский лидер), *Gaddafi* (Каддафи). Проявляется это в резком *понижении* частотности лексем, отрицательные коннотативные компоненты которых усиливали ранее использованные слова, представляющие положительные или нейтральные характеристики М. Каддафи: *tirano* (тиран); *dictador libio* (ливийский диктатор). Вместе с тем в СМИ наблюдается использование ряда синтаксических конструкций, представляющих резко актуализированное нейтральное или в целом даже положительное отношение к ливийскому лидеру. Так, в предложении «*Del miedo a Gadafi al miedo al ISIS*» (Кто ужаснее? Каддафи или ИГИЛ?) внимание акцентируется на несовместимости «планов и надежд на будущее» при свержении М. Каддафи с реальной ситуацией в стране;

субъектно-предикатные отношения, представленные здесь, задают доминантное сравнение «*страх к Каддафи – страх к происходящему*», которое потом неоднократно в разном виде акцентируется в испаноязычных СМИ. Например, в предложении «*Cinco años después de la muerte del dictador el país se descompone en una carrera por el poder y el dinero*» (Через 5 лет после смерти диктатора страна разлагается в условиях борьбы за власть и жажды наживы), смена правящего режима в стране рассматривается не только как комплекс долгожданных перемен, но и как распространение на территории всей страны анархии, временные пределы которой на данный момент ничем не ограничены.

Динамика изменения вербального образа М. Каддафи в СМИ французской лингвокультуры

Изменение образа Муаммара Каддафи с 2008-2016гг. условно можно разделить на четыре этапа, которые обуславливаются резким изменением как понятийного, так и коннотативного компонентов лексических средств, употребляемых при создании образа политика. Рассмотрим их содержательно.

Фаза 1: Вербальный образ М. Каддафи до военного конфликта в Ливии

До начала военного конфликта в Ливии (2008-2011) образ Муаммара Каддафи создаётся имплицитно – описанием политической деятельности ливийского лидера при отсутствии портретных характеристик. Подавляющее количество лексем, независимо от их принадлежности к той или иной части речи, имеют экспрессивный негативный компонент: *la venue humiliante* (de Kadhafi) / *унизительное появление* (Каддафи)²⁸, *la présidence* (du colonel Kadhafi) *a été très controversée et «très nuisible à l'image de l'UA»* / *председательство* (полковника Каддафи) *носило очень противоречивый характер и «принесло много вреда имиджу Африканского союза»*, *la nouvelle provocation* (de Kadhafi) / *новая провокация* (со стороны

²⁸ Здесь и далее перевод с французского языка на русский наш.

Каддафи); при этом в текстах СМИ сам М. Каддафи фигурирует исключительно как: *le dirigeant libyen* / ливийский лидер, *leader libyen* / ливийский лидер, *le colonel* / полковник. Заголовки статей и цитаты приведённых высказываний известных политических деятелей Европы создают образ решительного, эксцентричного лидера арабского мира с диктаторскими наклонностями: *Kadhafi: pas de société civile en Libye* (Каддафи: никакого гражданского общества в Ливии), *Kadhafi appelle à la guerre sainte contre la Suisse* (Каддафи призывает к «священной войне» против Швейцарии), *l'Italie est devenue le Disneyland de Kadhafi* (Италия превратилась в «парк развлечений» для Каддафи), *«ce qui me préoccupe c'est qu'on commence à s'habituer à ces shows de Kadhafi»* («больше всего меня беспокоит то, что мы начинаем привыкать к выходкам Каддафи»). Вместе с тем представлены и такие характеристики, которые выявляют авторитет личности М. Каддафи и его способность держать ситуацию под контролем: *Frattini félicite Kadhafi pour son aide. «La source est tarie. Grâce à l'action de la Libye»* (Фраттини [Министр иностранных дел Италии] благодарит Каддафи за оказанную помощь. «Источник [незаконного потока мигрантов] иссяк благодаря действиям Ливии»). Совокупность лексем, репрезентирующих образ М. Каддафи в 2008-2011 гг., интегрируется единой доминирующей отрицательной коннотацией, несмотря на отсутствие конкретных портретных характеристик, выраженных лексемами, связанными с отрицательными эмоциями.

Фаза 2: 15.02-20.10.2011г.

Вторая фаза наступает с начала военного конфликта в Ливии (15.02.2011г.) и продолжается вплоть до убийства Муаммара Каддафи (20.10.2011г.). Набор лексем, репрезентирующих образ ливийского лидера в данной фазе, свидетельствует об изменении в целом отрицательной оценки образа М. Каддафи. Это проявляется в резком *повышении* частотности лексем — портретных характеристик, отрицательные

коннотативные компоненты которых обостряют негативные эмоции, вызванные ранее использованными лексемами: *les provocations* (de Mouammar Kadhafi) / *провокации* (со стороны Муаммара Каддафи) – идея множественного числа усугубляет ранее сформированный образ, создавая иллюзию постоянства присущей политике черты: Kadhafi est «*toujours un danger*» (Каддафи всегда «*представляет опасность*»), (Kadhafi) *est capable de tout et notamment du pire, on ne peut avoir à l'avenir que de mauvaises surprises* ((Каддафи) *способен на все, особенно на худшее. В будущем нас ожидают только неприятные сюрпризы*). Акцентируется внимание на отсутствии поддержки правящему режиму со стороны населения страны: *un mouvement de contestation du régime de Mouammar Kadhafi* (*движение, вызванное недовольством существующего режима Муаммара Каддафи*); что приводит к ужесточению реакции М. Каддафи: *la répression menée par le régime de M. Kadhafi contre une révolte* (*мятеж спровоцировал введение репрессий со стороны режима М. Каддафи*), *la violente répression engagée par le régime de Mouammar Kadhafi* (*жестокие репрессии, инициированные режимом Муаммара Каддафи*); *les forces loyales au colonel Mouammar Kadhafi ont tué au moins 142 personnes* (*силы, преданные полковнику Муаммару Каддафи, убили 142 человека за месяц*) – употребление имени ливийского лидера в качестве пассивного деятеля позволяет отстранить М. Каддафи от прямых обвинений в убийстве собственных граждан, вместе с тем создаёт иллюзию отсутствия контроля над подчиненными военными силами. Вместе с тем сохраняется нейтральная репрезентация статуса ливийского лидера: *le dirigeant libyen* (Mouammar Kadhafi) (*ливийский лидер (Муаммар Каддафи)*), *le colonel* (Kadhafi) (*полковник (Каддафи)*). Акцентируется безнадежность положения Каддафи у власти и скорейший «эндшпиль»: «*la partie est terminée*» pour Kadhafi (*партия Каддафи проиграна*), *Mouammar Kadhafi s'est lancé dans une fuite* (*Муаммар Каддафи бросился в бегство*). Совокупность лексем, репрезентирующих

образ Муаммара Каддафи во второй фазе, интегрируется единой доминирующей отрицательной коннотацией, выраженной в ключевых характеристиках образа на данном этапе: диктатор (на французском), провокатор (на французском); лидер, не способный контролировать ситуацию, но способный на всё (на французском); трус (на французском).

Фаза 3: «Демонизация»

20 октября 2011 года наступает фаза, которая характеризуется максимальной «демонизацией» образа ливийского лидера во французских СМИ, что достигается использованием лексем, подавляющее количество которых имеют ярко выраженный негативно окрашенный компонент. Так, если в предыдущих двух фазах статус М. Каддафи подчёркивался исключительно нейтральными лексемами *лидер*, *руководитель*, то теперь – *тиран*, вселяющий страх: *Kadhafi, tyran craint jusqu'à son dernier souffle* (Каддафи – тиран, внушающий страх до последнего вдоха); *la légende de Kadhafi, l'homme seul contre tous, provoquait encore la crainte* (легенда Каддафи – один против всех, также вселяла и страх). Создаётся образ кровавого, беспринципного и крайне амбициозного диктатора, неспособного забыть старые обиды: *la Libye et ses quelque 5 millions d'habitants est trop exigué pour Kadhafi* (для Каддафи недостаточно Ливии с 5 миллионным населением); *l'Afrique est le nouveau terrain de jeu (de Kadhafi)* (Африка – новая площадка для игр (Каддафи)); *en 1988, Kadhafi se venge, il fait exploser un Boeing de la Pan Am* (месть Каддафи свершилась в 1998 году, он сбил панамский Боинг); *Mouammar Kadhafi se veut maintenant le roi de l'Afrique* (теперь Муаммар Каддафи претендует на роль короля Африки). Акцентируется внимание на отсутствии цивилизованности в характере М. Каддафи и неспособности восприятия «демократических ценностей» вследствие его происхождения: *Kadhafi est issu du désert* (Каддафи – выходец из пустыни). Вместе с тем «*Kadhafi avait sa logique à lui*» (у Каддафи была своя собственная логика) и акцентируется отсутствие

у М. Каддафи каких-либо расстройств личности на уровне психофизиологии: *Kadhafi n'est pas fou* (Каддафи не сумасшедший).

Более того, в СМИ наблюдается использование ряда синтаксических конструкций, представляющих резко актуализированное негативное отношение к ливийскому лидеру. Так, в предложении «*Barack Obama a affirmé que la mort du dirigeant déchu Mouammar Kadhafi marquait “la fin d'un chapitre long et douloureux” pour les Libyens, et appelé les nouvelles autorités de Tripoli à bâtir un pays “démocratique” et “tolérant”*» (Барак Обама подчеркнул, что смерть утратившего силы лидера Муаммара Каддафи ознаменовала «конец долгой и болезненной главы» для жителей Ливии и призвал новую власть в Триполи построить страну, основанную на принципах «демократии» и «толерантности») акцентируется несовместимость правления М. Каддафи с демократией; субъектно-предикатные отношения, представленные здесь, задают доминантное противопоставление «смерть Каддафи – шанс демократии», которое потом неоднократно в разном виде акцентируется в СМИ. Таким образом, изменение вербального образа М. Каддафи целенаправленно осуществляется посредством использования большого количества лексем с явно выраженной негативной экспрессивностью, объединенных интегративным компонентом «*диктатор / тиран*». В СМИ намеренно создается контекст, который можно назвать понятийно-коннотативным полем, реализующим негативный образ М. Каддафи, и это поле уже задает смысловой формат представления данного образа.

Фаза 4: Возвращение здравого смысла

В СМИ 2012-2016г. образа М. Каддафи вновь изменяется. Это проявляется в резком понижении частотности лексем, отрицательные коннотативные компоненты которых усиливали ранее использованные слова, представляющие положительные или нейтральные характеристики М. Каддафи: *le dictateur libyen* (ливийский диктатор), *le tyran libyen*

(ливийский тиран), *le colonel Kadhafi* (полковник Каддафи), *libyen Mouammar Kadhafi* (ливиец Муаммар Каддафи). Вместе с тем в СМИ наблюдается высокая частотность использования лексем с семантикой сожаления по отношению, как к личности правителя, так и к его режиму: *un sénateur UMP regrette Kadhafi* (сенатор от партии «Союз народного движения» жалеет Каддафи); *me fait regretter la disparition du régime Kadhafi en Lybie* (меня огорчает падение режима Каддафи в Ливии), *les exilés libyens regrettent l'ère Kadhafi* (высланные из Ливии граждане скорбят по эпохе правления Каддафи). Использование при этом грамматических средств углубляет идею правильности действий Муаммара Каддафи на посту главы государства: *le monde serait meilleur avec Kadhafi* (мир был бы лучше с Каддафи). Развитием семантики сожаления к М. Каддафи служит переход качества его образа на уровень образа литературного героя: *Kadhafi, dirigeant shakespearien...* (Каддафи, правитель по Шекспиру), *l'histoire de Mouammar Kadhafi est une véritable tragédie* (история Муаммара Каддафи поистине трагична).

Вместе с тем лексемы, репрезентирующие М. Каддафи, создают образ морально чистого, действующего во благо государства политика, ставящего во главу угла процветание нации: *«Kadhafi croyait faire le bien en exerçant le mal»* («Каддафи верил, что совершает благо, причиняя зло»); *Kadhafi n'avait pas voulu admettre que son pays était à feu et à sang* (Каддафи не желал видеть свою страну в огне и крови); *Kadhafi n'aimait vraiment pas la violence. Mais pour lui, c'était une nécessité* (Каддафи в самом деле не любил насилие, но в его ситуации это было необходимо); подчеркивается крайняя убежденность М. Каддафи в своих действиях и вера в предначертанную ему судьбу: *Kadhafi était convaincu d'avoir «une mission messianique»* (Каддафи был убежден, что на нём лежит «бремя мессии»). Субъектно-предикатные отношения, представленные в предложении *«les opprimés du régime Kadhafi oppriment à leur tour»* (угнетённые режимом

Каддафи, угнетают в свою очередь), указывают на несовместимость планов и надежд на будущее при свержении режима М. Каддафи и реальной ситуацией в стране. Данная несовместимость потом неоднократно в разном виде актуализируется в СМИ. Например, в предложении «*cinq ans après la chute de Kadhafi, la Libye en plein chaos*» (через 5 лет после падения Каддафи Ливия поглощена хаосом). Смена правящего режима рассматривается как распространение хаоса на всей территории цветущей когда-то Ливии. И временные пределы этой анархии пока ничем не ограничены.

Динамика изменения вербального образа М. Каддафи в СМИ лингвокультуры США

Изменение созданного американскими СМИ образа Муаммара Каддафи не удаётся описать в соответствии с выделенными ранее фазами, т.к. подобная эволюция в период с 2008 по 2016г. в текстах СМИ США не наблюдается.

На протяжении девяти лет американские СМИ поступательно создавали резко отрицательный образ ливийского политика путём использования лексем, имеющих экспрессивный негативный оценочный компонент, независимо от принадлежности к той или иной части речи: *Gaddafi's reign there have been many scandals* (во время правления Каддафи было множество *скандалов*²⁹), *Libyan dictator Moammar Gaddafi* (*ливийский диктатор Муаммар Каддафи*). При этом с *высокой* частотностью используются лексемы, актуализирующие нейтральные компоненты образа ливийского политика: *Libyan leader Moammar Gaddafi* (*ливийский лидер Муаммар Каддафи*) или просто *leader Moammar Gaddafi* (*лидер Муаммар Каддафи*), что является нейтрально окрашенным акцентом социального положения М. Каддафи.

²⁹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский наш. – С.П.

Происходит усиление отрицательного коннотативного компонента лексемы *dictator* (диктатор) за счёт употребления прилагательных с нейтральным оценочным компонентом: *Gaddafi was the quintessential 20th-century dictator* (Каддафи был квинтэссенцией диктаторов XX столетия). По мнению авторов североамериканских СМИ, образ ливийского лидера стал воплощением всех порочных качеств, присущих диктаторам XX столетия. Вместе с тем подчёркивается уникальность М. Каддафи как человека особого социального класса – диктатора – класса, чьи представители к началу XIX века почти все истреблены: *Gaddafi was one of the last of a nearly extinct breed – the uniquely 20th-century dictator* (Каддафи был одним из представителей почти угаснувшего поколения диктаторов XX столетия). Частотность подобных высказываний формирует доминирующее противопоставление: правление М. Каддафи – развитие общества нового столетия, что репрезентируется в таких предложениях, как «*If Gaddafi cared about the Libyan people, he would step down now*» (Если бы Каддафи заботился о ливийском народе, он бы немедленно ушёл в отставку), где благо ливийского народа, погрязшего в хаосе революции, отождествляется с немедленным уходом с поста руководителя Ливийского государства.

Полковник М. Каддафи правил страной в течение 42 лет. Такого результата не смог бы добиться человек, опирающийся исключительно на кровавые репрессии без учёта интересов ливийских граждан. Американские СМИ придерживаются того же мнения и не умаляют человеческих и лидерских качеств М. Каддафи. Но в данной ситуации эти послабления практически не изменяют в лучшую сторону резко негативный вербальный образ М. Каддафи, так как частотность лексем с нейтральным или положительным коннотативным компонентом настолько мала, что данные лексемы нейтрализуются контекстуальным отрицательным оценочным компонентом всего текста: *Gaddafi is eccentric*

but the firm master of his regime «Каддафи эксцентричный, но строгий хозяин своего режима); акцентируется внимание на политических способностях ливийского лидера, отягощённых их представлением через такое негативное качество, как *лицемерие*: *Gaddafi has shown his true colors* (Каддафи продемонстрировал своё истинное лицо); особое внимание уделяется непоследовательности, отображающийся в поведении М. Каддафи: *Libyan dictator Moammar Gaddafi's many and varied eccentricities* (многие разнообразные странности ливийского диктатора Муаммара Каддафи).

Созданию резко отрицательного образа ливийского лидера способствует приписывание Каддафи таких пороков, как безудержное материальное обогащение: *Gaddafi... «is the architect of his own gilded cage»* (Каддафи – создатель своей собственной позолоченной клетки); а также общая оценка государственного политического строя Ливии, введённого с приходом к власти М. Каддафи: *the regime was a death-defying act* этот режим был практикой, сопряженной с риском для жизни).

Время правления Муаммара Каддафи безапелляционно признается эпохой кровавых репрессий и страдания ливийского народа, а сам полковник Каддафи выступает в качестве жестокого тирана, которому нет дела до жизни каждого отдельно взятого гражданина Ливии. Тирана, который уверен, что имеет право распоряжаться этим народом по своему усмотрению, не щадя никого, расстреливая всех, кто окажется на пути его замыслов. Именно такой образ полковника М. Каддафи создается американскими СМИ путем лексем с ярко выраженной отрицательной коннотацией: *the Gaddafi regime has not altered its domestic repression* (режим Каддафи не отказался от внутренних репрессий); *leader Moammar Gaddafi ordered warplanes and helicopters to halt protesters in the capital Tripoli* (лидер Муаммар Каддафи отдал приказ силам военной авиации остановить протестующих в Триполи). При этом М. Каддафи

представляют как человека слабого, неспособного держать ситуацию под контролем, несмотря на все предпринятые жестокие меры: *the crimes that made Gaddafi a fugitive* (преступления, заставившие Каддафи бежать). Репрезентация провала М. Каддафи на политической арене подкрепляется высказываниям политических деятелей, а критичность сложившейся ситуации в стране – словами ливийского же представителя при ООН, чьи высказывания являются «нокаутирующим ударом» для ливийского лидера в глазах реципиентов СМИ, так как его деятельность не поддерживается на мировой арене даже представителем ливийского государства: Ibrahim Dabbashi, Libya's deputy ambassador to the United Nations, *accused Gaddafi of killing his own people and urged the international community to act against the regime* (заместитель постоянного представителя Ливии при ООН Ибрагим Даббаши *обвинил Каддафи в убийстве собственного народа и призвал мировое сообщество выступить против его режима*).

Негативный образ М. Каддафи в американских СМИ достигает пика «демонизации» при использовании таких лексем, которые не просто репрезентируют те или иные негативные свойства личности, но связывают их с глубокими психофизиологическими расстройствами, подчеркивающими их стабильность: *Gaddafi has been daffy for a long time* (Каддафи был безумен в течение долгого времени); *Gaddafi was totally insane* (Каддафи был совершенно душевнобольным). Вместе с тем акцентируется внимание на навязчивой идее умереть как великие мученики церкви: *Gaddafi vows to «die as a martyr»* (Каддафи клянется умереть мучеником); а его параноидальные наклонности говорят о несовместимости данной личности с постом руководителя государства и об опасности, в которой может оказаться каждый, находясь на территории Ливии: *Gaddafi's paranoid police state was increasingly incompatible with this modern world* (параноидальное полицейское государство Каддафи стало ещё более несовместимым с реалиями современного мира). Субъектно-

предикатные отношения, представленные здесь, развивают уже созданное доминантное противопоставление: «правление диктатора (М. Каддафи) – развитие общества нового столетия», добавляя в семантическое поле первого тезиса такое качество, как *психически больной*, что выводит данное противопоставление на совершенно иной уровень: полная неуверенность в наступлении завтрашнего дня для каждого отдельного человека – построение государства по принципам демократии.

Американские СМИ уделяют особое внимание роли М. Каддафи в убийствах представителей Соединенных Штатов Америки, усиливая тем самым негативный коннотативный компонент его образа, так как речь идёт не только о народе Ливии, который подвергается репрессиям далеко от территории США, но и о непосредственной причастности М. Каддафи к убийству мирных сограждан, что позволяет с большим успехом оправдать в глазах реципиентов (американских граждан) деятельность США на международной арене: *...with Moammar Gaddafi, sponsor of two of the most spectacular acts of terrorism against Americans and a cruel dictator in his own country since 1969* (...с Муаммаром Каддафи, спонсором двух наиболее выдающихся террористических актов против американского народа и жестоким диктатором Ливии с 1969 года; *Gaddafi's well-deserved reputation as a murderous dictator who had American blood on his hands* (вполне заслуженная репутация Каддафи как жестокого диктатора с американской кровью на руках). Но при этом ливийский лидер предстаёт в образе *пса*, неконтролирующего свои действия: *president Ronald Reagan once called Gaddafi the «mad dog of the Middle East»* (президент Рональд Рейган как-то назвал Каддафи «бешеным псом Ближнего востока»). Образ М. Каддафи дополняется такими характеристиками, как *экспансивность* и новым амплуа – *мировой агрессор*.

Таким образом, очевидно, что формирование того или иного образа политика объясняется политическими целями сил, ангажирующих СМИ.

Известный прием правительства США – объявлять и объяснять свои агрессивные действия по отношению к другим государствам борьбой за демократию – позволяет формировать у читателей представление о реализации США высших моральных ценностей не только на своей территории, но и по всему миру: *the goal was to cripple Moammar Gaddafi's ability to attack other Libyans* (целью было лишить Муаммара Каддафи способности наносить удары по ливийскому народу). СМИ намеренно формируют представление о том, что убийство М. Каддафи – политическая и идеологическая победа США: *Gaddafi's defeat as a vindication of Obama administration policy* (разгром Каддафи – оправдание полицейской администрации Обамы). При этом политиками и СМИ активно эксплуатируется и еще один доминирующий автостереотип – историческая исключительность американцев, позволяющая им, по сути, не учитывать реакцию всего остального мира на свои действия: *Clinton... quipped: «We came, we saw, he died»* (Клинтон... усмехнулась: «Мы пришли, мы увидели, он умер»).

На основе проведенного сравнительного анализа способов репрезентации медийного образа одной и той же личности в СМИ лингвокультур Испании, Франции и США в связи с разными политическими целями и экспериментальных данных можно сделать следующие выводы. Динамика создаваемого образа одного и того же политика в СМИ разных лингвокультур различается. В периодических изданиях Испании образ ливийского лидера претерпевает резкие изменения пять раз в течение 2008-2016г., при этом оценочный компонент создаваемого образа имеет ярко выраженную амплитуду от крайне отрицательной коннотации, до крайне положительной. Вербальный образ М. Каддафи, воссоздаваемый в французских СМИ, имеет менее ярко выраженную амплитуду изменения оценочного компонента, но также претерпевает ряд значительных изменений за период 2008-2016г. В СМИ

США, наоборот, оценочный компонент вербального образа ливийского лидера за весь указанный период остается практически неизменным, динамика изменения данного вербального образа практически отсутствует.

3. Национальная специфика представления речевого события

В рамках коммуникативной парадигмы особое внимание уделяется понятию *речевой ситуации* и факторам, влияющим на её становление [Леонтьев 1969, Сорокин 1979]. Согласно Ю.А. Сорокину, речевое событие является **актом вербального воздействия, направленного на регуляцию деятельности партнера** [Сорокин, 1979, с. 73-74]. Несколько модифицируя схему Ю.А. Сорокина, отметим, что схема простейшего межкультурного речевого события предполагает обязательное включение двух коммуникантов (K_1 и K_2), имеющих *модели ситуации общения*, отвечающие целям каждого из них, включающих *задачу общения*, представление о *ситуации общения*, о задаче общения партнера. Эффективное общение предполагает взаимодействие коммуникантов [Grice, 1975; Leech, 1983]. Результатом этого взаимодействия в случае коммуникативного успеха является сближение моделей ситуации общения у K_1 и K_2 . С позиции каждого коммуниканта общение протекает как процесс решения поставленной коммуникативной задачи, и их реакции констатируют всего обратные связи в системе ($K_1 - K_2$), которая служит для коррекции воздействия партнера по коммуникации.

Однако в восприятии СМИ, осуществляющих доминирующую функцию воздействия, актуальна модель Ю.А. Сорокина, согласно которой K_1 – это СМИ, K_2 – конкретный реципиент, читатель. При этом K_1 имеет четкую, проработанную *модель ситуации общения*, то есть некий план, согласно которому СМИ будет поступательно достигать поставленных целей. В этом плане *модели ситуации общения* зафиксирована *задача общения* СМИ, *представление о ситуации общения* (как будет протекать это общение), *представление о задаче общения* читателя СМИ,

представление реципиента о задаче общения СМИ. В этом случае СМИ учитывает предполагаемую реакцию реципиента, но последний никак не влияет на характер представления информации в СМИ, а реципиент волен или полностью принять интерпретацию СМИ, или не принимать ее вообще.

Необходимо заметить, что основной задачей СМИ *de jure* является своевременное и беспристрастное описание событий и предоставление реципиентам информации о происходящем вокруг. Однако *de facto* средства массовой информации являются мощным идеологическим и политическим оружием в руках правящего слоя населения, который обеспечивает финансовую поддержку медиа-холдингов. Следовательно, реципиенты, уверенные в том, что СМИ выполняют возложенные на них задачи, оказываются в полной зависимости от поставляемой информации, которая может не быть правдивой, но позволяет средствам массовой информации эффективно влиять на формирование *картины мира* как непрерывно конструируемой системы информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павилёнис, 1983].

В результате успешного общения между K_1 (СМИ) и K_2 (реципиент) происходит сближение моделей ситуации общения у СМИ и конкретного читателя. Другими словами, вербальное воздействие на концептуальную картину мира конкретного индивида успешно завершается, в ассоциативно-вербальную сеть реципиента встраиваются новые модели, которыми он руководствуется в принятии дальнейших решений. В такой ситуации ответная реакция K_2 может учитываться СМИ и даже привести к изменению тактики представления информации. Но, как правило, СМИ продолжает свою медийную политику, пока количество читателей, недовольных ею, не проходит «критическую точку» и читатели перестают

пользоваться его информацией. Стратегически СМИ, безусловно, учитывают реакцию читателей, иначе они теряют аудиторию.

Чтобы выявить национальную специфику речевого события, воспользуемся сравнительным методом, позволяющим эффективно сопоставить определенные параметры речевого события разных лингвокультур.

Все выбранные нами языки относятся к индоевропейской языковой семье и являются флективными, что определяет сходство ряда познавательных моделей и способов выражения грамматических значений. Это не снижает уровня актуальности заявленной проблемы, напротив, подчеркивает национальную специфику представления речевого события при всем сходстве языков.

В основе проводимого в данном разделе компаративного анализа лежит теория высоко- и низкоконтекстуальных культур Э. Холла, так как, по нашему мнению, она предлагает сопоставимые параметры анализа и является «открытой» теорией, способной при необходимости включить нерассмотренные американским антропологом собственно лингвистические факторы.

Согласно теории Э. Холла, качество контекста, под которым подразумевается «информация, окружающая некое событие» [Hall, 1990, р. 6], является основанием для отнесения той или иной культуры к высоко- или низкоконтекстуальной. При этом контекст неразрывно связан со значением конкретного события. Говоря о неразрывном единстве *культуры и коммуникации*, американский антрополог утверждает, что именно в речевом событии выкристаллизовывается культура этноса, следовательно, при исследовании культуры особое внимание должно уделяться конкретному речевому акту. Речевое событие, протекающее в рамках высококонтекстуальной культуры (далее ВК), отличается низким уровнем вербально, эксплицитно передаваемой информации, а большая

часть информации передается невербально, имплицитно. Коммуниканты речевого события низкоконтекстуальной культуры (НК), наоборот, передают большую часть информации вербально, эксплицитно при низкой информативности жестов, мимики, метафор, аллюзий и т.д. [там же].

Э. Холл пришел к выводу, что испанская лингвокультура является высококонтекстуальной за счет высокой степени развития обширных и детализированных межличностных отношений в семье, в кругу друзей, в рабочем коллективе, в результате в повседневной коммуникации испанцам не требуется вербализовать информацию детально. Таким образом, высокий контекст данной лингвокультуры обусловлен высокой степенью интеграции разных сфер жизнедеятельности индивидов [там же, р. 6-7]. Лингвокультура США, напротив, согласно Э. Холлу, относится к ряду низкоконтекстуальных культур, так как для нее характерно четкое разделение сфер жизнедеятельности. Связи между представителями американской лингвокультуры ограничены определенными рамками, из чего следует, что американцы нуждаются в детальной фоновой информации при принятии того или иного решения. Американский взгляд на жизнь состоит в разделении события на информационные сегменты и концентрации внимания на каждом сегменте [там же]. Французская лингвокультура отнесена исследователем к числу низкоконтекстуальных культур, но с оговоркой, что контекст ее выше, чем у американцев [там же]. Таким образом, согласно выводам Э. Холла, указанные в нашем исследовании лингвокультуры можно представить на шкале культур от низкого контекста к высокому следующим образом: американская, французская, испанская. При этом американский антрополог, в соответствии со своей концепцией, основывался на результатах исследования не столько собственно лингвистических факторов, сколько внешних по отношению к языку.

В данном разделе ставится задача исследования **языкового** представления события как возможного параметра сопоставления культур, поскольку именно в языке закреплены модели поведения, отражающие национальную специфику той или иной лингвокультуры. Рассмотрим специфику представления образа Муаммара Каддафи в западных СМИ, которая, на наш взгляд, задается характером лингвокультуры.

Национальная специфика речевого события испанской лингвокультуры

Результаты анализа материалов периодических изданий испанской лингвокультуры, отнесенной Э. Холлом к классу высококонтекстуальных культур, говорят о резком изменении качества контекста этой лингвокультуры в настоящее время. Образ ливийского лидера создается путем использования лексем в их прямом значении, а в случае, если лексема является полисемичной, вариативность значения такой лексемы нейтрализуется четко выраженным контекстом предложения, абзаца, текста: *tirano* (тиран); *dictador livio* (ливийский диктатор); *recurrió sistemáticamente a la cárcel* (систематически отправлял в заключение); *no podíamos intuir su nivel de barbarie, de sadismo y de violencia* (мы не могли себе даже представить уровень его варварства, садизма и агрессии).

Широкое использование глагольных форм активного залога акцентирует непосредственную причастность М. Каддафи к выполнению того или иного порицаемого действия: *recurrió al asesinato y la tortura* (обрекал на пытки и убийство); *extirpó cualquier libertad* (искоренил свободу); *desarrolló un enfermizo culto a la personalidad* (культ личности, созданный и взращенный Каддафи, оказался болезнью ливийского общества).

Частотное использование портретных характеристик при создании вербального образа ливийского лидера позволяет испанским СМИ максимально четко обозначить его границы, не оставляя места

размышлениям реципиентов: (*dirigente*) *astuto y progmat́ico* ((руководитель) *хитрый и прагматичный*); (*al líder livio ha unido*) *excentridad y progmatisismo* ((характер ливийского лидера отличается как) *эксцентричностью*, так и *прагматизмом*); *cínico* (циничный); *tipo carismático* (харизматичный человек).

При этом отмечается редкое использование описательных конструкций, в которых М. Каддафи не является субъектом действия. В этом случае образ ливийского лидера создается путем описания актуальных на момент предоставления информации событий, к которым М. Каддафи имеет косвенное отношение: *el fin de un largo y penoso capítulo para el pueblo de Libia* (конец главы истории Ливии, долгой и болезненной для ее народа); смерть М. Каддафи рассматривается как начало нового, демократического этапа в жизни страны, а предыдущий этап оценивается как болезненный; акцентируется несовместимость режима М. Каддафи с демократическим режимом: *el fin de Gadafi es una oportunidad para la democracia en Livia* (смерть Каддафи – шанс построить демократию в Ливии). В этих и подобных конструкциях намеренно задается доминантное противопоставление «смерть Каддафи – шанс демократии». Оно реализуется не только в лексических значениях конкретных слов, но и в системе связей между компонентами предложения / абзаца: *cinco años después de la muerte del dictador el país se descompone en una carrera por el poder y el dinero* (через пять лет после смерти диктатора страну разлагает борьба за власть и жажда наживы).

Кроме того, специфическим приемом создания образа М. Каддафи в испанских СМИ является частая замена в предложениях имени ливийского лидера на приписываемую ему качественную характеристику: *era un depredador con las mujeres* (с жестокостью, походившей на жестокость маньяков, он обращался с женщинами); *tirano* (тиран), *dictador* (диктатор). Частое использование ограниченного круга лексем позволяет испанским

СМИ сузить вариативность возникающих в сознании реципиентов ассоциаций, связанных с именем М. Каддафи, что позволяет быстро и однозначно создать желаемый образ политика.

Способы создания вербального образа ливийского политика, продемонстрированные испанскими СМИ, позволяют сделать вывод о том, что сегодня испанская медиакультура, естественно испытывающая сильнейшее воздействие глобализационных процессов, вынуждена при представлении в СМИ ряда политически и социально значимых для всего мирового сообщества событий, реализовывать стратегии низкоконтекстуальных культур для сохранения своего имиджа, одобряемого союзниками. Этот вывод противоречит однозначному заключению, к которому пришел Э. Холл, относя испанцев к представителям высококонтекстных культур. Таким образом, можно предположить, что изменение тех или иных параметров сопоставления культур может совершаться под воздействием внешних, средовых факторов.

Национальная специфика речевого события французской лингвокультуры

Анализ материалов периодических изданий французской лингвокультуры позволяет сделать вывод об актуальности заключений, сделанных Э. Холлом, согласно которым французская лингвокультура является высококонтекстуальной.

Это прослеживается в использовании при создании вербального образа М. Каддафи лексических средств, употребляющихся в переносном значении, а также в широком использовании описательных конструкций, имеющих отношение к актуальной ситуации в Ливии и за ее рубежами: *la venue humiliante (de Kadhafi) (унизительное появление (Каддафи))*; *la présidence (du colonel Kadhafi) a été très controversée et «très nuisible à l'image de l'UA» (председательство (полковника Каддафи) носило очень*

противоречивый характер и «принесло много вреда имиджу Африканского союза»); *Kadhafi : pas de société civile en Libye* (Каддафи: никакого гражданского общества в Ливии). Очевидно использование имплицитных средств создания образа М. Каддафи. Частое использование метафор и других средств художественной выразительности позволяет реципиентам самим сделать выводы о качествах, присущих ливийскому лидеру. При этом ассоциативное поле не сужается, как это было продемонстрировано в анализе речевого события испанских СМИ, а наоборот, намеренно расширяется, что позволяет повысить уровень вариативности восприятия лексем, представляющих образ ливийского лидера: *l'Afrique est le nouveau terrain de jeu* (de Kadhafi) (*Африка – новая площадка для игр* (Каддафи)); *Kadhafi est issu du désert* (*Каддафи – выходец из пустыни*); *Kadhafi, dirigeant shakespearien* (*Каддафи, правитель по Шекспиру*).

Вместе с тем, отмечается употребление конкретизирующих лексем и конструкций, позволяющих придать конкретную форму создаваемому образу ливийского лидера. Но их низкая частотность не может коренным образом повлиять на доминантную тенденцию высокого контекста в представлении информации: *Kadhafi, tyran craint jusqu'à son dernier souffle* (*Каддафи – тиран, внушающий страх до последнего вдоха*); *le dictateur libyen* (*ливийский диктатор*), *le tyran libyen* (*ливийский тиран*), *le colonel Kadhafi* (*полковник Каддафи*).

Отличительной чертой национальной специфики создания образа ливийского лидера является частое использование конструкций, в которых полковник М. Каддафи не является актантом: *la Libye et ses quelque 5 millions d'habitants est trop exigué pour Kadhafi* (*для Каддафи недостаточно Ливии с 5 миллионным населением*); *la répression menée par le régime de M. Kadhafi contre une révolte* (*мятеж спровоцировал введение репрессий со стороны режима М. Каддафи*), *la violente répression engagée par le régime de Mouammar Kadhafi* (*жестокие репрессии, инициированные*

режимом Муаммара Каддафи); *les forces loyales au colonel Mouammar Kadhafi ont tué au moins 142 personnes* (силы, преданные полковнику Муаммару Каддафи, убили 142 человека за месяц) – употребление имени ливийского лидера в качестве пассивного деятеля позволяет отстранить М. Каддафи от прямых обвинений в убийстве собственных граждан, вместе с тем создает иллюзию отсутствия контроля над подчиненными военными силами. В данном случае образ ливийского лидера опять создается имплицитно.

Проанализировав способы представления информации в конкретных речевых ситуациях французской лингвокультуры, можно сделать вывод о том, что уровень контекста во французской лингвокультуре существенно выше по сравнению с уровнем контекста лингвокультуры Испании.

Национальная специфика речевого события лингвокультуры США

В периодических изданиях США образ ливийского лидера создается как путем использования портретных характеристик (*Gaddafi has been daffy for a long time* – Каддафи был безумен в течение долгого времени; *Gaddafi was totally insane* – Каддафи был совершенно душевнобольным), так и путем употребления описательных конструкций, не использующих М. Каддафи в качестве субъекта действия. Для выражения заданного СМИ образа ливийского лидера используется прямая номинация Каддафи, сужающая вариативность возникновения ассоциативных связей в сознании индивидуумов: *Libyan dictator Moammar Gaddafi* (ливийский диктатор Муаммар Каддафи); *dictator* (диктатор); *...with Moammar Gaddafi, sponsor of two of the most spectacular acts of terrorism against Americans and a cruel dictator in his own country since 1969* (...с Муаммаром Каддафи, спонсором двух наиболее выдающихся террористических актов против американского народа и жестоким диктатором Ливии с 1969 года). При этом частотны случаи, когда образ М. Каддафи создается имплицитно, путем описания

конкретного события или действия, в которых М. Каддафи не является актантом: *the regime was a death-defying act* (этот режим был *практикой, сопряженной с риском для жизни*); *Libyan dictator Moammar Gaddafi's many and varied eccentricities* (многие разнообразные странности ливийского диктатора Муаммара Каддафи); *the Gaddafi regime has not altered its domestic repression* (режим Каддафи не отказался от внутренних репрессий). В то же время частотны конструкции, в которых ливийский лидер является субъектом действия, что акцентирует образ М. Каддафи: *leader Moammar Gaddafi ordered warplanes and helicopters to halt protesters in the capital Tripoli* (лидер Муаммар Каддафи *отдал приказ силам военной авиации остановить* протестующих в Триполи); *Gaddafi vows to «die as a martyr»* (Каддафи *клянется умереть «мучеником»*); *Gaddafi... «is the architect of his own gilded cage»* (Каддафи – «создатель своей собственной позолоченной клетки»).

Кроме того, при создании вербального образа М. Каддафи прослеживается широкое использование средств риторического воздействия, что позволяет передавать часть информации имплицитно: *Gaddafi was the quintessential 20th-century dictator* (Каддафи был квинтэссенцией диктаторов XX столетия); *president Ronald Reagan once called Gaddafi the «mad dog of the Middle East»* (президент Рональд Рейган как-то назвал Каддафи «бешеным псом Ближнего востока»); *Gaddafi's paranoid police state was increasingly incompatible with this modern world* (параноидальное полицейское государство Каддафи становится все более несовместимым с реалиями современного мира).

Анализ представленного периодическими изданиями США материала позволяет сделать вывод о сохранении низкого уровня контекста американской лингвокультуры, в котором, однако, очевидны и признаки высококонтекстуальности, детерминированные, вероятно, общей тенденцией внешней политики США к жесткости, точному выражению

своей доминирующей позиции в мире, а следовательно, ее однозначному представлению.

Проведенный в данной работе компаративный анализ представления речевого события в контексте лингвокультур Испании, Франции и США позволяет нам внести некоторые коррективы в установленную Э. Холлом шкалу культур в зависимости от низкого или высокого контекста. Принимая во внимание рассмотренный нами вербальный фактор в рамках теории высоко- и низкоконтестуальных культур Э. Холла, указанные в исследовании лингвокультуры можно представить на шкале культур от низкого контекста к высокому следующим образом: испанская американская, французская.

Таким образом, национальная специфика речевого события в современных медиа может корректироваться актуальными политическими и социальными задачами, что проявляется в характере речевых действий. Они, согласно А.А. Леонтьеву, структурны и целенаправленны, а следовательно, могут становиться средством достижения специфических целей [Леонтьев, 1969].

4. Заключение

В настоящее время глобализационные процессы в мире ускоряются, и в этих условиях СМИ приобретают особую роль в сфере представления информации о наиболее значимых событиях. С появлением новых способов распространения информации меняются и доминантные стратегии ее представления в СМИ. А глобальная сеть Интернет, в свою очередь, позволяет повысить эффективность работы по формированию через СМИ определенных морально-этических норм, фундаментальных ценностей и представлений о правильных, необходимых здесь и сейчас моделей поведения.

Анализ национальной специфики речевого события в лингвокультурах Испании, Франции и США показал, что качество

контекста, установленное американским антропологом для всех трех лингвокультур, в настоящее время претерпевает значительные изменения. Это свидетельствует о смене реализуемых стратегий представления информации в СМИ, другими словами, об изменении стратегий вербального воздействия на сознание представителей той или иной лингвокультуры, на формирование их картины мира.

Во-вторых, высокая степень дифференциации вербального образа М. Каддафи в СМИ в разных лингвокультурах обусловлена влиянием экстралингвистических факторов: геополитической ситуацией, актуальной на момент его создания. Кроме того, анализ динамики изменения вербального образа М. Каддафи в контексте лингвокультур Испании, Франции и США позволяет считать, что популярное сегодня понятие «западные СМИ», чаще всего выступающее в интегративном значении, не совсем точно. В то время как СМИ Испании восхваляют лидерские качества М. Каддафи, СМИ США всячески доказывают несостоятельность ливийского лидера как главы государства, называют М. Каддафи «безумным», а французские массмедиа утверждают, что ливийский лидер «совсем не безумен» и т.д. Очевидно, что в ходе анализа создаваемого СМИ образа политика, того или иного события, необходимо исследовать их в сопоставительном аспекте, учитывая целую совокупность актуальных культурных факторов.

Список литературы

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. — М.: Академия, 2003. — 128 с.
2. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. — М.: Просвещение, 1969. — 216 с.

4. Мичурин Д.С. Влияние поликодовых текстов на динамику виртуальной коммуникации в интернете // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – № 4. – С. 290-295.
5. Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
6. Пищальникова В.А. Принципы выявления вербальной маркированности этногенетического типа // Вестник МГЛУ. – Вып. 5 (584). Языкознание. Языковое существование человека и этноса. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С.73-83.
7. Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 220 с.
8. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М.: Наука, 1979. – 327 с.
9. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. – Vol. 3. – N.Y.: Academic Press, 1975. – P. 41-58.
10. Leech G. Principles of Pragmatics. – L., N.Y.: Longman, 1983. – 250 p.
11. Hall E.T. Beyond culture. – Garden City (N.Y.): Anchor press; Doubleday, 1989. – 314 p.
12. Hall E.T. Understanding cultural differences. – London: Intercultural press, 1990. – 196 p.

References

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul`turnaya kommunikaciya. – М.: Izdatel`skij centr «Akademiya», 2003. 128 s.
2. Leont`ev A. A. Osnovy` psixolingvistiki. – М.: Smy`sl, 1997. 287 s.
3. Leont`ev A.A. Yazy`k, rech`, rechevaya deyatel`nost`. Moscow: Prosveshhenie, 1969. 216 p.
4. Michurin D.S. Vliyanie polikodovy`x tekstov na dinamiku virtual`noj kommunikacii v internete // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2013. № 4. P. 290-295.

5. Pavilyonis R.I. Problema smy`sla. Sovremenny`j logiko-filosofskij analiz yazy`ka. Moscow: My`sl`, 1983. 286 p.
6. Pishhal`nikova V.A. Principy` vy`yavleniya verbal`noj markirovannosti e`tnogeneticheskogo tipa // Vestnik MGLU. Vol. 5 (584). Yazy`koznanie. Yazy`kovoe sushhestvovanie cheloveka i e`tnosa. Moscow: IPK MGLU «Rema», 2010. P. 73-83.
7. Sonin A.G. Ponimanie polikodovy`x tekstov: kognitivny`j aspekt. Moscow: INION RAN, 2005. 220 p.
8. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., Shaxnarovich A.M. Teoreticheskie i prikladny`e problemy` rechevogo obshheniya. – Moscow: Nauka, 1979. 327 p.
9. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics / P. Cole, J.L. Morgan (eds.). Vol. 3. N.Y.: Academic Press, 1975, P. 41-58.
10. Leech G. Principles of Pragmatics. L., N.Y.: Longman, 1983. 250 p.
11. Hall E.T. Beyond culture. Garden City (N.Y.): Anchor press; Doubleday, 1989. 314 p.
12. Hall E.T. Understanding cultural differences. London: Intercultural press, 1990. 196 p.